



(НЕ)РОДНОЙ СЫН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ШАНС НА МАТЕРИНСТВО

18+

Дана Алексеева

(Не)родной сын.

Шанс на материнство

«Автор»

2026

Алексеева Д.

(Не)родной сын. Шанс на материнство / Д. Алексеева — «Автор»,
2026

— Вы не можете забрать у меня малыша! В защитной стойке закрываю собой дверь детской комнаты.— Еще как могу, – цинично кладет языком мужчина.
– Хватит прятать чужого сына! Мужчина отталкивает меня, я не в силах его остановить.— Он не чужой, – выпаливаю в сердцах. – Прошу вас Он уже мне как родной. И пусть, что ребенок – внебрачный, от любовницы мужа, я успела полюбить его Он – мой единственный шанс на материнство.

© Алексеева Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	26
Глава 11. Виктор	29
Глава 12	31
Глава 13. Виктор	34
Глава 14.	35
Глава 15	37
Глава 16	39
Глава 17	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Дана Алексеева

(Не)родной сын. Шанс на материнство

Глава 1

На эту годовщину свадьбы муж явно перестарался с подарком. Он получился слишком немислимым и безумным.

– Я беременна от вашего мужа, – решительно заявляет молодая особа, чье имя мне неизвестно, ведь она только что воинственно зашла в мой рабочий кабинет. – Я люблю Бориса, и у нас все серьезно, я хочу, чтобы вы знали обо всем.

В подтверждение девушка кладет одну руку на выпирающий живот и успокаивает сбившееся дыхание.

– Простите... – я поднимаюсь с кресла и мотаю головой, не понимая, что за бред несет эта сумасшедшая. – Вы кто?

С недоумением разглядываю незнакомку: молодая, дерзкая, смазливое личико и огонь в глазах. Он настроен решительно против меня.

– Я любовница вашего мужа. Мы уже год встречаемся, ждем ребенка, а вы тут... Я устала терпеть! Борис обещал, но я знаю, что он не расскажет вам из жалости. Вы неполноценная, все такое, – она морщит нос и разводит руками. – Но зачем я должна из-за этого страдать, вы же женщина, должны меня понять!

От её откровенного словесного потока меня обратно вдавливают в кресло, в мгновение оно становится колючим: его невидимые иголки заставляют съежиться и зажаться, напрягая каждую клеточку тела. С крайней растерянностью мой рот открывается, но слова куда-то пропадают. В измену любимого мужа поверить крайне трудно, но правда – жестокая дрянь, лишенная сочувствия.

– Я хочу нормальную семью, в конце концов, – всплескивает руками девушка и укоризненно смотрит на меня. – А Борис вас не любит, откажитесь от него, раз он не может сделать этого в силу заморочек совести и прочей ерунды.

Десять лет совместной жизни с мужем и вот такой итог... Ко мне приходит его пузатая любовница и требует развода. И она до сих пор ждет хоть какого-то внятного ответа, прямо вливается в меня острым нетерпеливым взглядом.

Вцепившись в край стола, я медленно встаю и прочищаю горло. Если все, что сказала эта девушка правда, то... Кажется, моя семейная жизнь только что разрушилась и превратилась в руины, как тот замок на песке, по которому пнула одна злобная девочка, говоря всем: «Он не настоящий».

Я смотрю подавленно на любовницу – есть ли причины у этой девушки врываться ко мне и нагло врать? Сейчас в ней говорит отчаяние, гормоны, ненависть к жене любимого мужчины и беспокойство за будущее своего ребенка. А еще она знает о моём физиологическом изъяне – я бесплодна – именно Борис ей про это рассказал.

Вердикт – виновен.

– Какой срок? – сквозь ком в горле выдавливаю я, бросая взгляд на её округлившийся живот.

– Семь месяцев, – не без гордости поднимает подбородок девушка.

Я машинально киваю и сглатываю. Как же больно... Почему я ничего не замечала и не чувствовала? Я поджимаю губы и втягиваю носом спертый воздух, кислорода не хватает, чтобы остановить головокружение мыслей.

– Вы никогда не сможете родить ему, – напоминает она, сверкая глазами. – А Борис очень хочет ребенка, так дайте ему шанс на счастье и не держите его.

– Я никого не держу. И никогда не держала.

– Тогда мы поняли друг друга, – хмыкает она.

В последний раз окинув меня своим надменным взглядом, девушка разворачивается и уходит, раскачивая бедрами подобно утке.

Хлопок дверью, и я испускаю протяжный вздох и поднимаю к потолку голову, которая готова расколоться на части. Обхватываю её руками и зажимаю глаза, мне хочется заорать во все горло, чтобы выбило все стекла и паршивый мир, застывший перед глазами, треснул на кусочки.

Но вместо этого я давлю все в себе и с невероятной тяжестью и болью в груди беру телефон и ищу в вызовах контакт «Любимый».

Мы работаем в одной архитектурной организации, но пиар-отдел, главой которого являюсь я, находится в другом здании. И слава богу – сейчас мне было бы невыносимо сложно смотреть в глаза мужу. Даже его голос, появившийся после гудков в динамике телефона, вызывает дрожь по спине.

– Привет, родной, я отменила ужин в ресторане, – говорю максимально с привычной мягкой интонацией. Саму же выворачивает наизнанку. – Поужинаем дома, хорошо? Приготовлю сама что-нибудь вкусненькое.

– Как скажешь, малыш. Дома так дома, так даже лучше, – его бархатистый баритон впервые за десять лет не ласкает уши.

Я морщу нос, смаргиваю и по щекам скатывается пара кристальных капель.

– Тогда до вечера, – через горечь в горле отвечаю я.

– До вечера, Верунь. Буду к семи примерно.

– Отлично. Как раз все успею.

Чемоданы, к примеру, собрать.

Я отключаюсь и сильно сжимаю телефон в руке, вымещая всю злость и отчаяние. Ни словом, ни полутонем в голосе не выдал Борис свое вранье, все на профессиональном уровне. Считаю с глаз слезную пелену и зарываюсь пальцами в волосы, облокотившись на столешницу. Как мы докатились до такого? Противно... Нет, я не готова терпеть. Пора ставить точку – жирную и окончательную.

Глава 2

Если бы меня спросили, что я люблю больше всего на свете, я бы ответила без заминки – своего мужа. Бесконечно и сильно. И это самая большая ошибка, ведь так нельзя любить другого человека. В один «прекрасный» день, в силу каких-либо обстоятельств, вы неизбежно потеряете его, а следом и себя, потому что не мыслите одно без другого.

За десять лет совместной жизни я полюбила в муже все, включая его несовершенства. И ни разу не разочаровалась. Он был моим первым и единственным. Борис защищал меня, был моей крепостью, опорой, с ним я чувствовала себя счастливой любимой женщиной.

Но что-то пошло не так...

И я даже знаю причину.

Корень проблемы сидит во мне, а точнее в моей неполноценности.

Если со своей стороны Борис делал все для меня, то я нет. Потому что бесплодная, не в состоянии родить ему наследника. Десять лет безуспешных попыток: выкидыши, два провалившихся ЭКО, обследования, молитвы и бабки, ничего не помогло. Муж не смел упрекать меня, наоборот, успокаивал, ведь я сильно переживала по этому поводу. Но не смотря на все слова поддержки, я понимала, что для него рождение ребенка – неотъемлемая и важная часть семейной жизни. Знаю, он очень хотел сына.

Теперь он у него есть. Правда не от меня.

Да, больно, но могу ли я винить его, если сама не смогла выполнить важную обязанность жены? Чувство собственной вины в произошедшем съедает изнутри, и оно же рождает оправдательный приговор мужу. Как бы обидно и больно не было, я готова считаться с его выбором, но я не терплю лжи... Уже как год она продолжается. Неужели я заслужила, в понимании Бориса, быть глупой обманутой дурой лишь, потому что слепо доверяла и любила его?

Сегодня небо плачет вместе со мной. Я закрываю окно на кухне и, обняв себя за плечи, грустно смотрю на наш сад, который щедро поливает дождь. Вечереет. Скоро должен приехать муж. В доме настолько тихо, что я слышу стук настенных часов, который отсчитывает секунды до разговора с Борисом и прощального с ним ужина.

Стол уже накрыт, он получился праздничным, годовщина все-таки... День, когда следует подвести итоги. Я чиркаю спичкой и зажигаю свечи, как последний штрих в подготовке к торжеству. В маленьком огоньке пламени я вижу мелькающие неясные образы, которые тревожат и без того смятенную душу.

– Ты сильная, ты со всем справишься, – убеждаю себя, придавая себе храбрости, которой так не хватает.

У меня нет ответа на вопрос «Как я буду жить дальше?», поэтому я даже не думаю об этом. Есть здесь и сейчас, тот момент, когда необходимо расставить все точки над и, несмотря на все тревоги.

Замечаю через окно, как входные ворота открываются и из-за них появляется фигура Бориса, он целенаправленно идет к дому. Вот и все.

Дерганым движением я поправляю салфетку на столе, и не в силах стоять на месте, направляюсь в холл. Там останавливаюсь перед зеркалом в пол и смотрю на себя, не моргая. Черное вечернее платье, которое облегает мой точенный силуэт, выбрано под статью внутреннему трауру. Я бы все отдала, чтобы увидеть себя с круглым животом, пополневшую на десять килограмм, но счастливую. Нет, нет, нет. На бледном лице нависла тень скорби, но оно старательно заретушировано макияжем и разбавлено натянутой улыбкой. Так паршиво я себя еще не чувствовала. В груди зияющая дыра, и от этой пустоты внутри хочется сдохнуть.

Дверь открывается, сердце дергается, и неизбежный момент наступает.

– Ты как всегда прекрасна, дорогая, – начинает с комплимента Борис и вручив мне букет роз заключает в объятия и целует.

Все как всегда, но его поцелуй больше не греет и вкуса нет, лишь влажный холодный отпечаток остается на губах. В нос проникает знакомый аромат мужского парфюма, еще вчера я млела от него, а сегодня... Сегодня меня трясет, я, как мазохист, делаю то, что причиняет мне боль. Вероятно, это были наши последние короткие объятия.

Обхватив его лицо, покрытое брутальной щетиной, я заглядываю в его карие глаза и блуждаю в них потерянной крохотной песчинкой.

– С годовщиной, дорогой, спасибо тебе за всё, – проникновенно произношу я, чувствуя, как сильно сердце щемит в груди. Сглотнув и, уведя увлажнившиеся глаза в сторону кухни, я продолжаю с притворной улыбкой. – Пойдем за стол? Ты наверняка голоден... Я испробовала новый рецепт утки, тебе должно понравится.

– О, сейчас я готов съестъ быка, а тебя – на десерт.

Борис неожиданно подхватывает меня на руки, отчего я ахаю и удерживаюсь руками за его крепкие плечи. В приподнятом настроении уверенным шагом он несет меня и усаживает на стул, оставив на моей шее пару кусающих поцелуев. Сам садится рядом, и не опуская, руки с моего колена, берет бутылку и разливает по бокалам игристый напиток.

– За тебя, Вера. Ты – лучшее, что случилось со мной в этой жизни, – вдохновенно говорит Борис.

Каждое слово – острее ножа.

Я смотрю в его оживленные глаза и понимаю – он не собирался мне ничего рассказывать.

– У меня есть для тебя подарок, – муж заводит руку во внутренний карман пиджака и передает мне маленькую коробочку.

– Интересно, – без энтузиазма открываю её и вижу красивые серьги. – Спасибо... Они – чудо. Я тоже кое-что приготовила.

Зная, о слабости Бориса к коллекционированию, я заранее приобрела на аукционе редкую монету для пополнения его бесценной копилки. Я в подобном мало разбираюсь, но мне хотелось угодить мужу.

– Невероятно, бог мог, – с горящим глазом разглядывает монету Борис, крутит, верит её. – Настоящая?

– Нет, сама сидела чеканила, – усмехаюсь я. – Теперь она твоя.

– Спасибо, Верунь, удивила так удивила... Офигенная вещь.

Муж еще пару минут любителю подарком, с энтузиазмом посвящая меня в историю данной монеты, какие-то факты, факты... Он смеется, изумляется, а у меня включается режим белого шума и один вопрос резонирует – КАК? Как ты это делаешь? Как ты в себе держишь все? Как ты живешь с этим? Как ты можешь улыбаться мне так просто и естественно, зная правду? Как целуешь меня, обнимаешь? Как ты ведешь себя так же, как и всегда, словно ничего не произошло? Как обманываешь меня так умело? Как я могла верить тебе все это время?

В горле стоит горечь, она мешает протолкнуть в себя хотя бы кусочек из приготовленного. Пока Борис ест с аппетитом, я ковыряюсь в тарелке и смотрю на него не как жена, а сторонним оценивающим взглядом и убеждаюсь, что в нем есть всё, что цепляет и привлекает женщин. Он красив, прекрасно сложен физически, сильный, харизматичный, умный и обеспеченный... О таком муже мечтает каждая женщина, но у каждого желания есть свои жертвы. По своему опыту могу сказать – вряд ли такой человек будет только вашим. Тем более, если вы не в силах дать ему того, что он хочет. В этом случае всегда найдется та, кто даст больше, и вы ярко почувствуете свою уязвимость и ценность, которая будет неумолимо падать.

– Ты погрустнела, что-то случилось? – обеспокоенный муж возвращает меня к реальности из мыслей. – Ничего не ешь... Вера?

Я достаю руку из-под мужской ладони и поднимаю глаза на мужа.

– Я хочу спросить тебя кое о чем, – под ложечкой сосет от волнения, но держусь я спокойно. – Как ты хочешь назвать сына?

– Сына? – сводит брови на переносице. – М–м–м... Как решим вместе, так и назовем.

Нет, он не понял, что я имела в виду. Поэтому уточняю:

– Чудно. Но боюсь твоя любовница будет против, чтобы я вмешивалась с советами и пожеланиями для её ребенка.

Глава 3

Лицо мужа моментально меняется, на нем появляется смятение и бегающий взгляд. Я съедаю первую ложку еды за вечер и тщательно пережевываю, глядя на Бориса. Тот вытирает губы салфеткой и кидает её на стол, словно это она испортила такой чудесный вечер.

– Откуда? – единственное с раздражением выплевывает муж.

– Эта прелестная девушка приходила сегодня ко мне к офис. Мы мило побеседовали с ней. Прими мои поздравления, ты скоро станешь отцом. Твоя беременная избранница хочет, чтобы я оставила тебя в покое, и честно говоря, я не вижу оснований препятствовать вашему союзу.

Даже на полутон не повысила голос и интонацию, все прозвучало чинно и благородно. Правда рот практически онемел и челюсть свело от притворной манерности.

– Вера, прекращай! – с шумом отодвигает стул Борис и яростной тенью нависает надо мной.

Я запикиваю в рот еду с целью хоть чем-то забить эмоции и нервы. Сердце колошматит не по-детски. Борис растирает лицо и гневно воет на своем, я то знаю, он ненавидит, когда что-то идет не его по плану.

– Что еще она тебе сказала?

– Кто? Твоя любовница? – специально акцентирую я и быстро моргаю глазами. – Это не имеет значения, Борь, я уже все решила.

– Что же ты решила?

– Я развожусь с тобой.

– Прости... Что? – он опирается на спинку моего стула и склоняется так низко, что его лицо оказывается в паре сантиметрах от моего.

– Я. Развожусь. С тобой, – четко повторяю я, глядя в красные глаза напротив.

– Нет.

– Да.

– Нет!

Он вспыскивает подобно пожару и опрокидывает рядом стоящий стул. Таким разъяренным я вижу его впервые.

– Вера, не делай глупостей, прошу, – напряженно выдавливают Борис.

– Так я хочу остановить глупости в своей жизни и развестись с мужчиной, у которого на стороне появился ребенок. Вот и все.

– Я люблю тебя, Вера! И ты знаешь об этом!

– Все, что я знаю – ты обманываешь и изменяешь мне уже год! – эмоции выходят из под контроля.

– Не придумывай! Это была вынужденная мера!

– Ах, вынужденная мера?! Так может, чтобы не прибегать к подобным мерам, хватит терпеть неполноценную, что не может тебе родить? Живи и делай, что хочешь, Зорин, а меня оставь в покое!

Выкрикнув это ему в лицо и пылая изнутри, я с последним живым нервом ускоренно иду в комнату, где лежат собранные чемоданы. Уехать прямо сейчас, пока тут не разразилось буря, которая снесет все живое.

Закрываю за собой дверь, но она тут же распаивается от резкого движения Бориса.

– О, я смотрю, и вещички уже собрала!

– Перестань, что ты делаешь? – дергаю за рукав рубашки, когда муж начинает открывать чемоданы и вытряхивать из них одежду.

– Я тебя никуда не отпущу, Вера.

Он держит меня за плечи и вонзается острым взглядом в мягкое израненное нутро.

– У меня есть выбор поступить как-то иначе? – мой голос дрожит. – Ты мне его не оставил.

– Дай мне все объяснить.

– Ты думаешь, я хотела после десяти лет совместной жизни разрушить все, уходить от человека, которого любила всем сердцем? Это моя прихоть? Мне больно, Борь, здесь так жгёт, так жгёт, – стучу по груди и уже не сдерживаю слезы. – Зачем ты так со мной?

Нос мгновенно закладывает, а слова и эмоции выливаются во что-то несвязное и переходящее во всхлипы. Борис прижимает меня к груди, гладит по волосам, а я чувствую себя такой слабой, такой уязвлённой, что любое сопротивление уходит в ноль.

– Зачем я тебе, а? – поднимаю зареванные глаза.

– Если б у меня не было сердца, то не за чем. Я люблю тебя, как прежде.

– А я не могу как прежде... – мотаю головой и выбираюсь из объятий. – Ничего уже не будет, как раньше. Какой бы ни была эта самая любовь.

– Вера, прошу...

– Ты просишь невозможное.

– Ребенок не может разрушить нашу семью.

– Её разрушил ты, а не ребенок. Ты все решил, без меня. Ты изменил. Ты врал.

– Ты не можешь родить, – отвечает он на мои обвинения, задевая за живое. И тут же поджимает губы в сожалении.

Мои губы криво изгибаются:

– Спасибо, что напомнил.

– Прости... Я виноват, Вера, но ты тоже должна меня понять...

Борис хочет приблизиться ко мне, но я пресекаю попытки враждебным взглядом.

– А ты меня?

– Для тебя это сложно, но возможно.

– Невозможно! Я не собираюсь тебя делить с кем-либо! Ждать вашего ребенка и радоваться как твоя любовница будет получать все то, что положено жене. Это ты мне предлагаешь? Не бывать такому!

– Мы будем жить как прежде, просто появится ребенок... С Лерой у меня был только, после наступления беременности я к ней не прикасался и не собираюсь.

– Что ты творишь, Боря? – я мотаю головой, оказываясь верить в то, что все это говорит мой муж. – Ты планируешь забрать у неё ребенка после рождения?

– Это мой ребенок, и он будет жить с нами.

Рот открывается в изумлении. Он меня не слышит, а я не хочу даже вникать в его бред.

– Он будет жить с тобой. Я уйду. Точка.

Я запикиваю вещи обратно, пока муж, прислонившись спиной к стене, стоит тенью надо мной.

– Одумайся. А как же компания, Вера? Надеюсь, ты не собираешься мешать личное с работой.

– Увы, придется.

– Это глупо. Не пари горячку, умоляю! Работай, как работала все эти годы, ты нужна нашей команде.

– Я не смогу работать там, где ты. Найду другое место.

– Ты понимаешь, что будет после твоего ухода? Ты сама пиарщик, мне не нужны скандальные заголовки, ты взбудоражишь прессу, они начнут копаться в грязном белье, и сейчас компании не нужна такая шумиха.

– Ты переживаешь за бизнес, понимаю... – усмехаюсь я.

– Это наше детище, ты не можешь все просто бросить, Вера. Будь профессионалом, в конце концов.

– Отец ТЕБЕ передал компанию, и твоя мама будет сильно рада, что наконец-то избавится от меня. Я для нее всегда была вертихвосткой, которая хорошо устроилась на шее мужа, да еще и бесплодной оказалась! Для неё любая другая будет куда лучше меня.

– Прекрати. Я никогда не давал тебя в обиду перед мамой, и сейчас не позволю. К тому же она пока ничего не знает о ребенке.

Я застегиваю чемодан, и сдунув прядь с волос, смотрю на мужа:

– Правда? И когда же ты осчастливишь будущую бабушку?

– После рождения. Раньше она не должна ничего узнать. Так будет лучше для всех.

– Вот как. А мне, когда ты хотел сказать? Тоже по факту?

Борис сминает губы и смотрит на потолок, шумно вздыхая.

– Ясно.

Сглотнув горечь, я поднимаю два чемодана на колесики и делаю шаг к дверям. Борис хватая меня за руку, останавливает и болезненно смотрит. Его губы умоляют:

– Пожалуйста, Вера, не надо...

– Я съеду, как только ребенок родится. После – делай, что хочешь, – одергиваю руку, чувствуя жжение от прикосновения. – И пообещай, ты исчезнешь из моей жизни, словно тебя и не было.

Он опускает глаза и, едва заметно кивнув, произносит хриплым шепотом:

– Прости меня.

Ничего не сказав в ответ, я выкатываю за собой чемоданы, чтобы разместиться в другой части дома и по-минимуму пересекаться с мужем. Моё мягкое сердце и неостывшие чувства к Борису пошли на уступки – я дам ему и себе два месяца, по прошествии которых я съеду и у меня начнется новая жизнь... Настолько, что я даже представить себе не могла...

Глава 4

Месяц спустя

К сожалению, любовь не проходит по щелчку. Она хуже любого паразита, извести которого крайне трудно. И как бы ты не отрицал, что чувство прошло, скорее всего, это удобная ложь, которая позволяет отказаться от всего к чему был привязан и двигаться дальше. И лишь в минуты одиночества, когда предельно откровенен с самим собой, ты не можешь унять внутренний голос, который напоминает: «Он еще с тобой. В твоём сердце.» И это больно осознавать, когда в реальности он уже не твой, и никогда не станет им.

Наши отношения с мужем превратились в предельно деловые, и разговариваем мы только по работе. Борис предпринимал попытки помириться, но я резко их пресекала, игнорировала, моментально превращалась в каменную неприступную стену, преодолеть которую ему не под силу. Я могу любить его всю жизнь, но мое внутреннее самоуважение и разрушенные представления о семье, неуверенность в себе и в муже не позволяют идти на поводу у одних только чувств.

К сожалению, человеку немислимо жить без любви, без неё он начинает умирать, высыхать, как цветок в пустыне. И я, как этот цветок, боюсь сбросить последний увядший лепесток, и ищу жизненно необходимые лучи света, которые бы питали меня и после я сама, всем своим существом, излучала бы их в ответ. Дом малютки – стал моим лучиком надежды в этом смысле. Раньше я являлась спонсором и жертвовала средства для его поддержки, но сегодня... Я примерила на себя другую роль.

– А это Миша, очень отзывчивый и способный мальчик. – тихим размеренным голосом рассказывает воспитатель, глядя на мальчика, который увлечен конструктором. – Абсолютно здоровый, общительный, любит поболтать на своем, ничего не понятно, но экспрессивно. Через месяц исполнится два года.

– Чудесный малыш, – грустно улыбаюсь я, в мыслях негодуя, как родители могли отказаться от него.

Я не в праве кого-то осуждать, но порой мне хочется завывать от несправедливости этого мира. Раз уж мне не суждено родить самой, я усыновлю малыша. Я думала об этом не раз, и делилась с Борисом, но он был против. Ему хотелось своего, родного, кровного наследника, и вопрос закрылся сам собой.

В последнее время мне снится ребенок. Кареглазый, с пытливым умненьким взглядом, ямочками на щеках и заразительной улыбкой. И что странно, каждый раз я вижу его в разном возрасте, то укачиваю его на руках, то он уже бегаёт, залиvisto смеясь, то говорит мне что-то, но я никак не разберу, что, кроме одного четкого слово «мама». Я могла бы принять такого рода сны за бзик воображения, но нет... Для меня это стало особым знаком.

Я осматриваю игровую и цепляю взглядом каждое мальчишечье лицо. Здесь точно должен быть он, тот к кому меня инстинктивно потянет, мой мальчик, которому буду дарить всю ласку и заботу.

– Все дети достойны иметь счастливую семью и обрести любящих родителей, – слышу я голос воспитателя.

– Конечно, вы правы, – встряхиваю головой и вспоминаю кое-что. – На днях привезут новые игрушки, надеюсь, детям понравится.

– Спасибо, Вера Сергеевна, ваша доброта и милосердие не знает границ. Придет день, и вы познаете радости материнства, Бог обязательно воздаст за ваши деяния.

– Для меня это было бы лучшим подарком.

Поиграв с детьми и познакомившись понемногу с каждым из них, я отправляюсь домой, наполненная приятными впечатлениями. Теплая погода дополнительно подогревает выходной

день и является лишним поводом улыбнуться без причины. В последний месяц мои рабочие графики нарочно перегружены, чтобы не было ни минутки отвлечься и забивать голову грустными мыслями о разбившейся личной жизни. Да и с работой надо что-то решать... Искать новое место, чтобы никак не зависеть от Бориса.

Добравшись до домашнего ноутбука, я проверяю почту и обнаруживаю ответное письмо от одной из компаний. Заявка на собеседование одобрена, и назначено время. Я отвечаю на письмо и с двояким чувством закрываю крышку ноутбука. С одной стороны, я должна радоваться... но с другой стороны мне сильно жаль, что обстоятельства вынуждают меня оставить компанию, которой посвятила последние годы жизни. «Архон» стал мне вторым домом, я горела идеями, работала с энтузиазмом и планировала много чего еще осуществить. Именно «Архон» был нашим с Борисом детищем, мы вкладывали в него все силы и время, и после этого просто уйти и переключиться на другое – морально очень тяжело. Но ничего не поделаешь, придется начинать все с чистого листа.

Покачиваясь в кресле качалке на летней веранде, я поправляю хлопковый плед и прикрываю глаза, чувствуя, как легкий ветерок обдувает голые щиколотки. Рядом на стеклянном столике стоит заваренный травяной чай, мятные нотки которого заменяют мне ароматерапию и успокоительные. К нему я еще не притронулась, потому он медленно остывает, а я не замечаю, как погружаюсь в сон.

Просыпаюсь я неожиданно от детского плача, доносящегося откуда-то неподалеку. Прислушиваюсь. Кажется, что ребенка слышно из окон нашего дома. Глупости какие, не может этого быть.

– Марта, – зову я домработницу, но никто не отвлекается.

Плач тем временем продолжается. И он точно из нашего дома.

Крайне взволнованная я иду через сад во двор и сталкиваюсь там с незнакомой девушкой, она заносит какие-то вещи и мельком здоровается со мной.

– Добрый день, простите, а вы кто и куда вы все это несете?

– Борис Константинович велел, это вещи новорожденного.

– Новорожденного?

Телефон, который держала, в руках летит на землю.

Меня осеняет – Лера родила.

Как? Уже? У меня же еще месяц был в запасе...

Растерянная я захожу в дом и убеждаюсь в том, что здесь пахнет ребенком. Внутри все сжимается, постанывая. Ноги сами ведут меня на второй этаж, где происходит возня. Затаив дыхание, я заглядываю в детскую, и мое сердце замирает...

Глава 5

В белой хлопковой пеленке с кружевным уголком, в голубом чепчике, на руках у нянечки лежит новорождённый. Женщина, чьи глаза вопросительно смотрят на меня, укачивает его, издавая протяжное «Тц–цц». Я на носочках переступаю порог и бесшумно прикрываю за собой дверь. Скромно присев на стул, я осматриваю обустроенную детскую и жду, когда няня уложит ребенка в кроватку. Мне по–хорошему следовало бы держаться подальше от этой комнаты и от ребенка, но ничего не могу с собой поделать, меня словно магнитом притягивает, а глаза и вовсе не сходят от маленького живого кулечка. Для меня он как НЛО, жутко интересно познакомиться, но боязно до покалывания в пальцах. Приблизится не решаюсь, рассматриваю издалека, мне кажется он совсем крохотным, размером с куклу, только живой и настоящий.

– Вы что–то хотели спросить? – в полголоса говорит няня, уложив малыша.

– Да... Вас привез Борис? Не передавал ли он что–нибудь?

– Именно так, он привез и сразу уехал. Моя задача присматривать за малышом, каких–то иных указаний не было.

– А он был один? Или может с ним была девушка?

– Никого кроме нас не было.

– Понятно. Ладно, не буду мешать.

Я бросаю взгляд на детскую кроватку и выхожу из комнаты. Сразу набираю мужа и нетерпеливо выжидаю монотонные долгие гудки в телефоне.

Борис не отвечает.

Я досадно прикусываю губу и, замерев на лестничном балконе, смотрю вниз и прокручиваю в голове планы, которые с пинка ворвались в реальность на месяц раньше. Переезд в новое жилище, документы о разводе, увольнение и устройство на другую работу. Спутанные мысли завязываются в узел. Я потираю виски и машинально мотаю головой – боже, я же вообще не готова. К счастью, меня никто не спрашивает, потому действовать я буду оперативно и без лишних громких страданий. Но прежде мне нужно поговорить с мужем, а он не отвечает на звонки... Значит, подожду, когда он приедет домой. Закрепив эту мысль, я решительно направляюсь к себе, и на ходу ищу номера грузчиков, чтобы они завтра же начали перевозить мои вещи. Двушка недалеко от центра уже ждет меня, это не фамильный особняк Зориных конечно... Зато ближе к работе находится.

Поздно вечером я написала мужу смс:

– Ты скоро? Надо поговорить срочно.

– Всё завтра. Сегодня меня не жди. Как там малыш, все в порядке?

– Спрашивай у няни, я не в курсе, – довольно цинично отвечаю я. Хотя то и дело гуляю мимо детской и прислушиваюсь к звукам. – Кстати, поздравляю. Хочу побыстрее съехать и уволиться, поэтому все бумажные дела нужно завершить как можно скорее.

Сколько я ни ждала, Борис больше не написал. Выпив перед сном успокоительного, я улеглась в кровать и почти сразу уснула. Мне снилось что–то невнятное, сумбурное, но в итоге картинки подсознания разлетелись в разные стороны от детского плача, который ворвался с сон и разбудил меня.

Протираю глаза и беру телефон – два часа ночи. Включаю ночник и усаживаюсь на кровати, рассеянно смотря сквозь тусклое пространство комнаты. Тем временем ребенок ревет и ревет, да что они режут его там? Или вовсе уснули?

Теряя терпение, раздосадованная я шаркаю тапками и иду на плач. Обиженный, недовольный, раздражающий.

– Что случилось? Почему ребенок плачет, никак не успокоится? – захожу в детскую.

– Видно беспокоит что–то. Или по маме скучает.

Няня пуше улюлюкает малыша, но тому все не по чем. Мне кажется она все делает не то и не так. Можно ли так мучить живое существо!

– Дайте–ка мне его сюда, – протягиваю руки.

Няня удивленно смотрит на меня, не спеша исполнять просьбу.

– Я жду, – настаиваю. – Попробую успокоить.

– Хорошо, аккуратно...

Я принимаю малыша и несколько секунд мы изучающе смотрим друг на друга. Рев прекращается, только губки кривятся и дрожат. А его глаза и нос... Они кажутся мне такими знакомыми. Да, он очень похож на Бориса. Его маленькая копия.

– Чем ты не доволен, расскажи, – тихо спрашиваю я. – Ночью надо спать. Может ты голоден?

– Костечка только что поел.

– Костечка? – вопросительно изгибаю брови на вскрывшееся имя и важно продолжаю. – Итак, Константин Борисович, вы поели...

Я перекладываю ребенка в положение «столбиком» к себе на грудь и придерживаю неокрепшую шею. Он весь такой маленький, мягкий, теплый, беззащитный. От его нежности скованность в руках пропадает, я глажу по спинке расслабившегося Костю и начинаю тихо напевать колыбельную, всплывшую в голове.

– Ти–ихо в лесу, только не спит лиса–а...

Медленно прохаживаюсь с ним по комнате, потом выхожу и прогуливаюсь по дому, слушая как тихо посапывает мальчик на плече. Когда он засыпает, я несу в его обратно и аккуратно укладываю в люльку, чуть подкачиваю, когда начинает кряхтеть. Не в силах более сопротивляться Костя отдается сну, раскинув ручки и ножки в стороны. Я стою возле люльки, словно на клей прилипла, и смотрю на него блестящими глазами.

Младенцы все милые, прекрати, Вера. Он не твой. Ребенок любовницы.

Я одергиваю себя и быстро выхожу из комнаты. Зря я его взяла на руки. Зря так бережно прижимала к груди и украдкой дышала его молочным запахом. И самое запрещенное – представляла на секунду, что Костя мог бы стать моим малышом, о котором всегда мечтала.

Этой ночью я крайне плохо спала. Все время просыпалась, не могла удобно устроиться, подушка казалась крайне неудобной, а меня саму словно веревкой выкручивало. Это все ото сна, в который опять приходил тот самый мальчик, и самое странное, что я ясно разглядела его лицо и узнала в нем Костю. Бред. Самый ужасный бред, который только можно вообразить. Я не знаю, как такое, вероятно. Это все проделки разума. Я видела этого мальчика еще до его рождения, и во сне он был моим ребенком... Нет, нет, нереально... Только не в этой жизни. Надо поскорее закончить все, съехать, чтобы окончательно не сойти с ума.

На следующий день к концу рабочего дня, когда я ждала в офисе Бориса, зазвонил телефон.

– Зорина Вера Сергеевна? – слышу незнакомый мужской голос

– Да.

Я зачем–то машинально смотрю на часы. Боря опаздывает уже на полчаса.

Непонятный холодок пробегает по позвоночнику, когда мужчина представляется сотрудником полиции. Я напрягаюсь.

– Вера Сергеевна, сегодня около 5 часов вечера ваш муж Зорин Борис Константинович разбился в ДТП.

Проходит, наверно, несколько секунд шока, пока онемевший рот вновь обретает способность говорить. Мой мозг категорически отторгает ужасную информацию.

– В смысле, разбился... Как... Я жду его в офисе, мы созванивались недавно, и...

– Примите мои соболезнования.

– Подождите. Боря умер? Что вы такое говорите! Нет, не может быть... Как же это... – я прикрываю рот ладонью и отрицательно мотаю головой.

– Вера Сергеевна, я понимаю ваше горе, но вы должны успокоиться и приехать на опознание тела.

Он что-то говорит объясняет, а у меня земля из под ног уходит. Весь мир начинает кружиться, грудную клетку сдавливает, словно сковывает цепями, и воздуха не хватает. Один короткий вздох, телефон вылетает из рук, и я теряю сознание.

Глава 6

Три дня спустя

Траурная вуаль прикрывает моё бледное лицо и красные безликие глаза. Во всем черном и с опустошенным нутром я стою возле каменной плиты, возведенной на могиле мужа. Все уже разошлось, а я до сих пор не могу покинуть кладбище, которое стало новым пристанищем Бориса. Ветер колышет мои волосы, зябко – я съеживаюсь и прикладываю платок к носу. Из под приспущенных ресниц смотрю на многочисленные яркие венки и не верю, до сих пор не верю, что его нет... На похороны мужа приехало много народу и каждый выражал лично глубочайшую скорбь по поводу преждевременной потери мужа. Из-за границы с отдыха прилетела мать Бориса, но от неё я не услышала слов поддержки, наоборот, она прокляла меня с три короба, обвинила в смерти любимого сына. Но что мне до её громких слов, они никак не ранят, они ничто по сравнению с той болью, которая поселилась внутри от внезапной кончины мужа.

Все должно было быть не так... Я бы простила Бориса, и он бы жил своей жизнью, а я своей. Грела бы свои чувства глубоко в сердце и, несмотря ни на что, радовалась бы за его личные и карьерные успехи.

– Зачем же ты меня оставил? – шеплю спрашиваю. Смотрю на его фотографию – он улыбается, у меня на глазах слезы стоят. – Я не настолько сильная, Борис. Что мне делать с ребенком, скажи?

В тот роковой день в машине был не только Борис. На пассажирском сиденье сидела Лера. Куда они ехали – непонятно. Девушка скончалась в машине скорой помощи. Вот так остался Костенька без обоих родителей сразу. Никто из родственников мужа не знает о ребенке, Борис не успел рассказать. А в выписке Леры Костя считается отказником. То есть по идее, никто кроме нянечек не в курсе, что в нашем доме за закрытыми дверями хлопает глазками очаровательный малыш, наследник многомиллионного бизнеса.

Я укрываю малыша от лишних глаз на время. Чтобы дать себе время и правильно определить судьбу для мальчика. Мне не должно быть дела до этого чужого ребенка... Но за эти дни, что он был в нашем доме, он перестал быть чужим. Это сын Бориса, человека, которого я любила. Это единственная память о нем. В Косте течет его кровь, и если мать Бориса узнает о наследнике, то...

– Я выживу тебя, поняла? Вот как ты выжила моего сына со света, так и я тебя выживу! – истерит Лариса Григорьевна, она узнала у нотариуса, что по завещанию все имущество и бизнес Зориных теперь принадлежит мне. – Изничтожу, отсужу, выселю! Верно, ты испортила машину, чтобы Боря разбился и загрести все деньги! Признайся, ты вышла за него ради роскошной жизни!

– Как вам не стыдно? – давлюсь я горьким комом в горле. – Я любила Бориса всем сердцем.

– Все вранье! Я заведу дело на тебя! Гадюка, такая! Пошли отсюда, Стефания, – кивает она своей послушной дочке, чьи взгляды в мою сторону не менее остры. – У меня сердце скорее остановится, ох... Мой сыночек... Эта тварь, обманувшая тебя, век не нарадуется твоей кончине... Борис–Борис...

Она, прихрамывая на одну ногу, с помощью трости ковыляет к выходу и продолжает охать себе под нос и проклинать мое существование. Когда дверь за ними закрывается, я громко всхлипываю, опускаюсь на ступеньку лестницы, и закрыв руками лицо, начинаю рыдать.

За последние дни мое лицо уже опухло от слез, они так себе помощники, но мне сложно держать в себе всю скопившуюся боль. Наверно я слишком слабая, раз меня одолевает бессилие, руки опускаются и нет ни малейшего желания двигаться дальше. А нужно. Как минимум,

определился с тем, что делать с ребенком. Отдать его мигере Ларисе, которая возьмет опеку над мальчиком и лишит меня всего – о нет, на такой расклад я не согласна... И тут дело даже не в имуществе и деньгах, а в Косте... Возможно ли отдать ребенка под покровительство этой ужасной женщины? Да она же сумасшедшая. Тем более что меня тянет к малышу – лишь он заставлял меня улыбаться и чувствовать себя живой после смерти мужа, именно этот маленький малыш питает меня энергией и силой. Пожалуй сейчас он – мой единственный смысл жизни. Да, я хотела бы оставить его себе, воспитать и любить его, как любила его отца.

Стучусь в комнату, где находится Костя, и няня открывает мне двери.

– Спит? – подхожу к люльке.

– Да, сегодня преспокойный, т-т-т.

Уголки губ дергаются вверх, когда смотрю на безмятежное ангельское личико.

– Сладенький... Пусть отдыхает.

Я присаживаюсь на диван и кивком подзываю Ольгу. Она выключает утюг, складывает бодик в стопочку и бесшумно устраивается рядом.

– Ольга, я благодарна вам за помощь, – мягко начинаю я. – Вы отлично справлялись со своими обязанностями, но с завтрашнего дня больше не нуждаюсь в ваших услугах. Жалованье выплачу вам сегодня.

– Поняла, – после секундного ступора кивает она. – Не переживайте, мне уже заплатили за месяц вперед.

– Ничего, это будет бонус от меня, – многозначительно смотрю я на нее. – Вы порядочная девушка, не сплетница и не болтушка, все, что происходит в стенах дома, вы не распространяете другим, верно?

Девушка кивает, понимая, к чему я клоню.

– Ну вот. А порядочных людей надо поощрять.

– Спасибо, Вера Сергеевна, – поджимает губы и с сочувствием смотрит на меня. – Вы держитесь.

– Разве у меня есть выбор? – вздыхаю я, наваливаясь затылком на подушку дивана.

Уже завтра в дом приедет новая няня, для которой Костя будет считаться моим сыном. По телу бегают нервные мурашки от мысли, что же я творю... Но ведь своим поступком я никому плохого не сделаю? Оформлю документы, усыновлю малыша и воспитаю, как родного. Он ни в чем не будет нуждаться, всегда будет под защитой, и никто не отнимет его у меня.

В этом я была уверена, пока на следующий день к нам в дом не является один мужчина.

Без предчувствия чего-то плохого я открываю двери и приветствую незнакомца:

– Добрый день, – с любопытством осматриваю его.

Деловой, серьезный, его темно-синий костюм с белой рубашкой сидит на подтянутой фигуре как влитой. Сам высокий, широкоплечий, на голове черная копна волос, густые брови, правильные черты лица, узкие губы, а его глаза, вокруг которых обосновалась брутальная борода, а его глаза... Серо-голубые, острые, в них-то я и читаю приближающую опасность, они слово выискивают что-то позади меня. Я его мало интересую.

– Я пришел за ребенком, – решительно и с вызовом заявляет мужчина, и переводит на меня колючий взгляд.

Глава 7

– Где он? Хочу забрать его прямо сейчас, – не желая ждать ни секунды больше, требует незнакомец.

– Простите... Вы кто? – волнение в груди не отпускает. – Вы наверно ошиблись...

– Я знаю, что он здесь. Я его дядя и намерен немедленно забрать сына погибшей сестры.

– Что... – срывается с губ. Мои глаза бегают в смятении. Какой еще дядя? Откуда этот человек знает о Косте и его местонахождении?

Мужчина делает широкий шаг вперед, а я машинально отступаю назад. Сердце колешматит как дурное.

– В доме нет никакого ребенка, – вру я. – В последний раз повторяю, будьте добры...

– Это я в последний раз повторяю, – резко перебивает меня мужчина. – Нет ребенка говоришь? Я так не думаю...

Он вызывающе ухмыляется, склоняется к полу, цепляя пальцем погремушку, оставленную после игры. Горячая улика заставляет полыхать мои щеки.

Опускаю глаза и сглатываю. Ощущение крайней незащищенности накрывает с головой. Сжав челюсть, как и свою неуверенность в тиски, я упрямо смотрю в холодные глаза напротив.

– Я вижу вас в первый раз. Вы даже не представились. С чего мне вам верить?

– Зверев Виктор. Брат Лизы Мазариной, которая родила от вашего мужа, – прищурив глаза, напоминает он о нелцеприятном факте. – А несколько дней назад, они вместе погибли в ДТП.

– Раз вы так обо всем осведомлены, то почему упустили тот факт, что ваша сестра отказалась от ребенка.

Виктор криво усмехается и осуждающе мотает головой.

– Хм, а ведь ты что-то говорила о доверии и честности, Вера... – переходит на «ты», притоптав все приличия после моей лжи. – Те бумажки – фальш, не пытайся сделать из меня дурака. Ребенок в доме, мои люди видели его.

– Ваши люди? Да кто вы такой...

– Я уже представился. И хочу видеть своего племянника немедленно. Где ты спрятала чужого ребенка, а?

Виктор срывается с места, чтобы обыскать дом и заглянуть в каждую комнату. Игнорирует мои тщетные попытки препятствовать ему.

– Он не чужой мне, – срывается голос в отчаянии.

– Это сын вашего мужа и его любовницы. Он тебе никто, как и ты ему.

– Неправда... Он мне уже как родной. Я возьму опеку над ним.

И пусть, что ребенок – внебрачный, я успела полюбить его... Он – мой шанс на материнство.

Мужчина отрицательно мотает головой.

– Какая ерунда, этого не будет. Племянник будет жить со мной. Точка, – он дергает запертую дверь кладовки.

Силы в нем столько, что он может выдрать её с «мясом».

– Остановитесь же, – дергаю его за рукав. – Вы сумасшедший? Я вызову полицию.

Через мгновение я понимаю, какую глупость сморозила, и мужчина пользуется этим.

– Хорошая мысль. Пусть разберутся с вами по всем статьям, – ехидно оскаливается он.

– Послушайте... – умоляю. – Я люблю Костю, вы не можете его у меня так просто забрать.

Мое откровение не трогает его, всё как о бетонную стену – безнадежно.

– Еще как могу. В отличие от вас, я его ближайший родственник.

– Есть еще родная бабушка. Если мать Бориса узнает о Косте, то ни вам, ни мне малыша не видать. Это коварная женщина. Пожалейте мальчика.

– Не смешите, никакая полоумная бабушка мне не помешает, – фыркает он.

Звучит самонадеянно, просто он не имел дела с Ларисой. Она может превращаться в занозу, в клеща, в пилу, во все, что причиняет вред и «жрет» тебя.

– А может вы хотите денег? – огревает меня шальная мысль.

– Смешно, – он задирает голову и смеется. – Денег мне хватает. Костя – единственная память о моей сестре. Более мне ничего не надо.

– Кто же его будет воспитывать? – не сдаюсь я. – Полагаю, вы не собираетесь сидеть с ним с утра до ночи.

– Это уже не ваша забота. Проводите меня к Косте.

– Нет, пока не пообещаете, что не заберете его.

Виктор фыркает. Ответ – отрицательный. Он целенаправленно идет на второй этаж, где находится детская.

– Да где же ты его спрятала? – дергает одну дверь за другой.

Я паникую, потому что скоро он откроет ту самую комнату.

– Вы же напугаете малыша своим напором, успокойтесь! – преграждаю путь, выпятив грудь в защитой стойке.

Мужское лицо склоняется к моему, – смотрит в глаза, и почти в губы говорит членораздельно:

– Успокоюсь, когда увижу его, – берет меня за плечи и убирает с пути.

– Ладно... Я покажу... – сдаюсь я, лишь бы усмирить этого зверя в пиджаке.

Глава 8

Я провожаю Виктора в детскую комнату.

– Он наверняка спит. Не шумите, – шепотом говорю перед дверью.

Мужчина кивает.

Мы тихонько заходим внутрь, и я бесшумно запираю дверь. На нас оглядывается нянечка, которая держит на руках Костю. Чем ближе Виктор подходит к мальчику, тем сильнее колотится мое волнующееся сердце. Он с любопытством разглядывает малыша, а потом говорит:

– Я хочу взять на руки.

Няня Вика вопрошающе смотрит на меня, и я, пересилив тревожность, разрешаю.

Как только Костя оказывается на руках Виктора, так сразу начинает кривить губы и хныкать.

– Что не так? Почему он ревет? – паникует мужчина, и я сразу понимаю, что он первый раз взял на руки маленького ребенка.

– Он не знает вас, – я ненавязчиво забираю мальчика и успокаиваю его. – Для него вы чужой, ваше лицо, голос, запах, прикосновения... Они все чувствуют.

Костя перестает реветь и мирно лежит у меня на руках. Улыбаюсь умиленно, пока он завороченно разглядывает узор на моей кофточке. Я укладываю малыша в кроватку и включаю музыкальную карусельку.

– Скоро он уснет. Видите какие глазки сонные?

Виктор кивает. Впервые уголки его губ приподнимаются, буквально на миллиметр, но все же.

– Он похож чем-то на сестру. У него родимое пятно на плече, такое было и у Лизы.

– Славный малыш, неправда ли?

– Да, маленькие все славные, – сухо отвечает он.

Я кошу глаза в его сторону и не понимаю, как можно быть таким сухарем перед собственным племянником. Мы еще некоторое время наблюдаем за Костей, а потом я обращаюсь к Виктору:

– Мне надо с вами объясниться, давайте выйдем?

Оставив ребенка с няней, мы выходим в холл и устраиваемся возле окна.

– Я не могу иметь детей, Виктор. Что бы вы не говорили, Костя мне не чужой. Я не желаю ему зла. Он нужен мне, а я нужна ему. Нас тянет друг к другу.

Мы встречаемся взглядами, я умоляюще смотрю на него и надеюсь на капельку благосклонности.

– При всем моем понимании, – прочищает горло мужчина. – я не могу отдать Костю вам, он не вещь, а мой племянник. Он должен быть рядом со мной.

– Не будьте же таким черствым... Прошу вас...

Он задумчиво хмурится. Я принимаю паузу за шанс и продолжаю убеждать его.

– Ни одна няня не подарит ему столько любви и ласки, как я, уж поверьте...

– Я в любом случае не откажусь от Кости.

– Просто позвольте мне быть рядом с ним.

– Это возможно лишь при одном условии.

– Слушаю.

– Если у мальчика будет два опекуна. Ими будут я и вы.

– Это возможно?

– Если опекуны – супружеская пара, то да.

От такого поворота брови удивленно выгибаются дугой.

– Вы предлагаете мне выйти замуж за вас?

Виктор даже не думает смеяться, ведь это не шутка. А мне становится не по себе.

– С брачным договором, разумеется. Брак будет фиктивным, – уточняет он.

Но даже с этим нюансом все кажется нереальным бредом.

– Я только потеряла мужа... – растеряно перебираю отговорки. – И еще даже не разведена.

– Слушайте, я вас не заставляю. Нет так нет. Я искал варианты, если он вам не подходит, то...

Его скрытые манипуляции отлично действуют.

– Я должна подумать, – кусаю губу. – Дайте мне время.

– Даю вам два дня. После – я забираю малыша в любом случае. Думайте, Вера.

Оставив мне свою визитку, Виктор уходит, а я, облокотившись на подоконник, задумчиво гипнотизирую вид из окна. Виктор кажется порядочным мужчиной, переживает за племянника, я могу ему доверять. Шестое чувство с интуицией предательски молчат. Зато я отчетливо слышу голос сердца, который говорит: « Это мой мальчик. Я должна быть рядом с ним во что бы то ни стало».

Глава 9

– Слава, что бы я без тебя делала, – с великой благодарностью смотрю на друга и по совместительству партнера компании. – Спасибо тебе, большое. Я просто как кисель в последние дни, не могу собраться с мыслями и настроя никакого.

Я мотаю головой и со вздохом опускаюсь в кресло.

– Вер, я все понимаю. Тебе сейчас тяжело... Мне сложно подобрать слова... Просто знай, что я буду помогать, чем смогу, можешь на меня положиться.

Слава обнимает меня за плечо, и от нахлынувшей порции заботы я, впервые за последние дни позволяю себе быть слабой в присутствии другого человека. Склоняю голову на Славу и закрываю глаза, ни о чем не думая. Когда в жизни происходит настоящий хаос, поддержка и доброе слово – на вес золота. Нет, это просто что-то бесценное.

Мой муж тесно дружил со Славой Безруковым, эти двое понимали друг друга с полуслова, потому и в совместной работе у них все ладилось, и получались впечатляющие результаты. Сейчас Слава работает за них двоих и по факту загружает себе на плечи ответственность за всю компанию.

– Твою ж дивизию, совсем стыд потеряли, проклятые журналюги, – ругается Слава, когда замечает за панорамные окном человека с фотоаппаратом. – Ничего святого не осталось. Пошел отсюда.

С убийственным выражением лица он прогоняет папарацци и опускает жалюзи, загоразживая обзор на личное пространство от чужих глаз.

– Опять такого понапишут...

– Они могут. Опять вон целая урна накопилась, – усмехаюсь я, глядя на корзину желтой прессой. На самом верху лежит газета с большой фотографией, на котором запечатлены Борис и Лиза в машине, именно в день аварии. Видимо снимок был взят с придорожных камер. В статье они предполагают, то это могла быть любовница, естественно для рейтингов, но они даже не представляют, насколько они правы.

– Ты читаешь этот бред... Умоляю, Вера, побереги свои нервы.

– Нет, конечно, – фыркаю. На самом деле, прочитала все, до последней строчки. Ни слова про ребенка, именно за это я переживала.

«К огромному сожалению, Зорин не оставил после себя наследника, который мог бы продолжить дело отца...»

– Я не верю этим сплетням. Борис любил тебя, ты это и сама знаешь.

Я опускаю взгляд и сдавленно отвечаю:

– Конечно.

Смотрю на часы. Время бежит как сумасшедшее. Целый день не видела Костю, ужасно соскучилась, звоню каждый час, переживаю. Чувство тревожности не отпускает меня. До тех пор пока Костя не станет моим сыном по документом, я вряд ли успокоюсь.

– Ладно, мне уже пора... – откатываюсь от стола и беру сумку. – Есть еще дома дела.

– Конечно. А я пока еще поработаю.

– Отдохни, Слав. Не хватало мне еще тебя потерять.

– Нет уж. Я буду рядом и не оставлю тебя, – сжимает мое плечо, вверяя поддержку.

Я невольно улыбаюсь.

– Жену бы тебе хорошую, Слав. А ты всех отшиваешь... Не нагулялся еще?

– Хм, – усмехается он. – В голове давно штиль, никакого ветра. Просто... Видимо не нашел я ту самую, которой до крышки гроба буду любить.

– Любовь...

Это слово вызывает во мне болезненные ощущения.

– Что ж, я поняла тебя. Мой совет – оглядись по сторонам, часто тот, кто создан для тебя, сидит под носом, а ты устремляешься вдаль. По–моему, Ольга к тебе не равнодушна.

– Ольга?

– Угу...

Слава косится в сторону секретарши.

– Ну...

– А ты приглядишься, вдруг и разглядишь чего, – улыбаюсь я и на прощанье чмокаю его в щеку. – Все, я убежала.

С мягкой улыбкой он смотрит мне вслед, пока не скрываюсь из виду. Я действительно могу на положиться Славу, он ответственный, трудоголик и всегда добивается цели. Борис ценил и уважал его, так поступаю и я. Мой коллега, хороший верный друг, и не более того.

По возвращении домой меня ждал пренеприятный сюрприз. С первых секунд я заметила непривычный беспорядок, некоторые вещи лежали не на своих вещах, а что–то и вовсе валялось.

– Вика! – сразу зову я няню.

Никто не отвечает. Меня охватывает паника. Сердце чует неладное.

Быстро поднимаюсь на второй этаж и с ужасом обнаруживаю, что дверь детской нараспашку открыта (она должна всегда закрываться нянечкой на ключ от лишних глаз), и там никого.

Первая мысль – украли. Узнали про ребенка, нашли и увезли.

Дрожащими пальцами набираю в телефоне Вику и слышу выматывающие монотонные гудки. Не отвечает. Прохожусь по комнатам, в том числе, заглядываю в кабинет мужа, там все вывернуто из стола и шкафов. Кто–то явно что–то искал... И возможно, даже нашел.

Я вздрагиваю от вибрации в руке. Телефон, который держала, падает на пол.

– Черт, – ругаюсь я в сердцах и подбираю его. На экране высвечивается имя няни. – Алло, Вика? Вы где?

– Мы идем обратно домой. Гуляли в саду. Дома душновато, решила Костю на свежий воздух, спал в тенечке, – как ни в чем не бывало щебечет она. На заднем фоне слышу детские звуки.

– О, слава Богу... – тонна переживаний слетает с души. От облегчения ноги подкашиваются, и я опираюсь на косяк двери. – Тогда жду вас.

Выдыхая, я хватаюсь за голову, и понимаю, что влипла. Скорее всего под меня копают люди Ларисы, ведь от нее я получала угрозы. Пока не поздно надо заключать сделку с человеком который может мне помочь.

Достаю черную визитку с его номером и пару секунд в сомнениях кручу. Смирившись с тем, что загнана в тупик, и это мой шанс, я все–таки звоню.

– Алло, Виктор... – крайне волнуюсь и делаю неоправданные паузы. – Это Вера... Я согласна.

Глава 10

Этим же вечером я встречаюсь с Виктором на нейтральной территории, на летней террасе ресторана. Сказать, что я взволнованна – ничего не сказать. А вот мой будущий муж выглядит крайне спокойным, он сидит напротив меня за столиком, вальяжно облокотившись на спинку стула. Будто пришел не решать дальнейшую судьбу нескольких людей, а наслаждаться заворачивающим видом, приятной компанией и вкусной едой.

– Я хочу оформить документы, как можно скорее, – сразу перехожу к сделке, пока Виктор вкушает кофе.

– Понимаю... – он неспеша ставит кружку на блюдце. – Но у меня есть условия, Вера.

– Какие еще условия? – напрягаюсь, мгновенно выпрямляя спину по струнке. Сглатываю.

Мужские прямые губы чуть изгибаются... Что его забавит? Я упрямо всматриваюсь в его непроницаемое лицо в попытке найти ответ раньше, чем он скажет его.

Его постоянные паузы раздражают. От них мое сердце готово выпрыгнуть из груди.

– Жить с ребенком вы будете у меня, – твердо заявляет он.

– Но я не планировала переезжать, – теряюсь я.

– Что ж тогда запиши это в свои планы на завтра. А мои юристы займутся документами.

И еще кое-что...

Он отводит сощуренные глаза в сторону, концентрируясь на фонтане через улицу.

– Что же? – в нетерпении переспрашиваю я.

– 50% акций компании отца Кости ты перепишешь на мое имя, так как я его опекун и представляю его права.

– Но мы так не договаривались, – повышаю голос я, привлекая внимание других гостей заведения.

Виктор, предполагая мой ответ, мгновенно реагирует:

– Не хочешь, не надо. Тогда сделки тоже не будет... И после ты лишишься всего.

Манипулятор. И с этим плохим человеком ты будешь жить, Вера. Да еще и выйдешь за него замуж.

– Бред какой-то...

– Думай, Вера. Тебе решать.

Он якобы дает выбор, но.... По факту у меня его нет – Виктор это четко понимает, поэтому и ведет себя так вальяжно. Все карты в его руках.

– Ты играешь нечестно, – призываю к совести человека в чьих руках каким-то невообразимым образом оказалась моя жизнь.

– Правда? – его бровь подпрыгивает. – Так откажись от чужого ребенка, и не будет никаких условий.

– Я знаю. И в мыслях не было корыстных поступков, это все перейдет по наследству Косте, когда он вырастет.

– Тогда ты сделаешь то, о чем прошу. Это своего рода гарантия.

Я вдыхаю глубже, платье ужасно давит на грудь, хотя все в размер. Вероятно, меня душат обстоятельства, с которыми приходится считаться.

– Пусть будет по твоему, – не без труда соглашаюсь я.

– Вот и славно, – лыбится по-дьявольски. – Какой чудный вечер, не правда ли?

Просто отвратительный.

– Я иду на это только ради малыша, – говорю я.

– Я тоже, – он наклоняется ко мне и смотрит прямо в глаза. – И не забывай, что я пошел на уступки и помогаю тебе, поэтому не стоит примерять на себя роль жертвы.

Сглотнув, опускаю глаза, и после коротко киваю.

– Да, спасибо, Виктор.

– Пожалуйста, Вера. Кстати, тебе пора снимать черное, ты скоро выйдешь снова замуж. Не вяжется.

Да, вся моя жизнь после смерти мужа как-то не вяжется. Я взяла слово с Бориса, что после рождения ребенка он исчезнет из моей жизни, но я не думала, что все это окажется настолько буквально. А выходить замуж сразу после смерти мужа – это вверх всяких приличий. Косо будут смотреть все, в особенности, близкие, а также желтая пресса, которые как голодные шакалы накинутся на эту новость.

– Пообещай, мы не будем разглашать о заключении брака столько, сколько это будет возможным. Ты же должен понимать, кем я буду выглядеть в глазах близких, друзей, коллег.

– Принимается.

– Спасибо за понимание.

Хоть в чем-то мы обоюдно сошлись.

– Может что-то еще?

– Да, важное. Чем ты вообще занимаешься, где работаешь?

– Снос и демонтаж зданий.

– Любишь разрушать? – кривая шутка сама вылетает из меня.

– У меня это в крови, – серьезно отвечает он. И мне становится не по себе.

Ты вообще не знаешь этого человека, Вера... Закрытый, глухой как бетонная стена. В тихом омуте черти водятся. Может он маньяк, помешанный, больной на всю голову.

– У тебя большая семья, перед которой мне придется изображать твою жену? – меняю тему я.

И похоже это плохое решение, потому что взгляд Виктора мрачнеет. Четкая линия скул прорисовывается на мужском лице.

– Её нет. Не переживай, кривляться не придется.

– Как нет?

– Скажем так, они не лезут в мою жизнь, а я – в их, – не хочет вдаваться в подробности он.

– Родные, но как чужие?

– В точку.

– Ясно... – выдыхаю с сочувствием. – У меня на самом деле тоже только тетя осталась, да и та лежит с переломом в больнице сейчас, на похороны мужа не смогла приехать.

От столь интересного факта из моей жизни Виктор смотрит на часы и достает из кармана телефон. Тыкает быстро пальцами по экрану и после возвращает занятой взгляд на меня.

– Мне надо отъехать. Завтра приедет машина, и отвезет вас с вещами ко мне.

Я киваю.

– Во сколько?

– С утра.

Жестом руки он подзывает официанта и достает портмоне.

– Я сама заплачу, – спохватываюсь я. За разговором к заказанной еде еще даже не при-
тронулась.

– В нашей, пусть и фиктивной семье, плачу я. Запоминай, Вера.

И приколачивает сказанное твердым взглядом, чтобы лучше усвоилось. Я останавливаю мельтешение в сумке и сглатываю. Не привыкла, когда мужчины открыто командуют. С мужем я чувствовала себя наравне, а тут... Чувствую, это лишь из одно из тысячи правил Виктора Зверева. Ну и фамилия, под стать владельцу, конечно... Слава богу, в нынешнее время жене не обязательно брать фамилию мужа.

– До завтра, – прощается Виктор и уходит, оставляя меня одну за столиком.

Я отпиваю пару глотков ягодного фреша и, дав себе пару секунд на раздумье, нахожу в сумке визитку Зверева. Фотографирую и отправляю её письмом одному очень хорошему человеку, назовем его так.

– Алло, Гриша, привет, – звоню ему, чтобы уведомить о своей просьбе. – Можешь помочь мне? Есть дело... Я тебе на почту отправила контакты человека, собери на него информацию, какую возможно. Я хочу знать все. И как можно скорее.

Глава 11. Виктор

Попалась...

Все оказалось намного легче и быстрее, чем я ожидал. Вера–Вера... Ты же сама все сделала.

В приподнятом настроении после ресторана я сажусь за руль и еду к отцу. Дом Шрамовых – место, где я всегда был изгоем. Но пришло время перемен и гребанной справедливости. Да, наконец, пришло мое время.

С бурлящей в венах кровью я уверенным движением распахиваю двери дома и целенаправленно шагаю к лестнице, ведущей в спальню к отцу.

– К нему нельзя. Он слаб, – преграждает путь Яр, мой ненавистный сводный брат и любимый наследник семейства Шрамовых.

Яр сжимает мое плечо в угрозе, но плевать я хотел на него и на его жалкие попытки остановить меня.

– У меня для него хорошие новости, – небрежно дёргаю плечом и буровлю брата мрачным взглядом исподлобья.

– Что от тебя может быть хорошего? – его пренебрежение всегда меня раздражало. – Он не хочет тебя видеть.

– Тебя забыл спросить.

Фыркнув, я толкаюсь вперед и открываю дверь спальни. Здесь тихо как в морге, свет приглушен шторами. Отец болен, угасает на глазах, за чем невыносимо наблюдать. Сейчас он прикован креслу, плохо разговаривает, нуждается в сиделке, но соображает он ясно. На посторонний звук его слабые глаза дергаются в мою сторону. Я прошу сиделку выйти, а сам сажусь на стул рядом с кроватью.

– Отец... – голос деревянеет. Я прочищаю горло и продолжаю. – Совсем скоро я докажу тебе, как ты ошибался. Я отомщу за нашу семью, и ты примешь меня. И полюбишь так, как должно любить сына. Этот выродок Яр не способен быть достойным приемником, им должен стать я... И скоро ты поймешь это.

Отец открывает рот и произносит что-то невнятное.

– Повтори, – склоняюсь ниже.

– Он сказал «пошел вон», – доносится голос Яра за спиной. Он пропитан неприязнью ко мне.

Вспышка гнева поднимает меня с кровати. Как же я ненавижу этого ублюдка. А он меня. Пронизываем друг друга убийственным взглядом и молча испепеляем.

– Уничтожу, – скрипя, выдавливаю я и еле сдерживаю себя свои кулаки.

Это все началось с самого рождения. Да, только я вышел из утробы одной шл*хи, как мир подарил мне лютую ненависть ко всему живому. Именно она меня окружала, а после подпитывала. Мать меня не любила, лишь хотела поиметь выгоду, ведь произвела на свет наследника самому Шрамову. Только вот я родился недоношенным и поначалу чуть было не сдох, отставал в развитии, но меня все-равно держали при доме отца с няньками. И знаете почему? На запасной вариант, на всякий случай. Через год после моего рождения жена Шрамова каким то чудом разродилась и подарила мужу сына. И я стал на хер никому нужен. Меня считали умственно отсталым, ведь я был замкнутым ребенком и не разговаривал до пяти лет. Точнее они так думали. Особенно старалась изничтожить меня морально, а то и физически, жена отца, Екатерина, с виду манерная статная женщина, а наяву – истеричная дрянная стерва. Научила свое отродье, что следует относиться ко мне, как к куску говна, по её мнению. Яра же все холили и лелеяли, отдавали все лучшее, и он получал главное – любовь и внимание отца. Я видел, как он его обнимает, как говорит приятные слова, как учит его тому, что может сам. Я тоже

так хотел. Я тянулся к нему, а он отталкивал. Грубо и совсем не по-детски. И сколько бы я не старался стать лучше Яра, этот бездарный тупак получал все лавры. Ненавижу. Строительный бизнес перешел к нему, ему все досталось по блату, он ничего для этого не делал, просто родился. А я землю грыз, чтобы достичь то, что имею. И не собираюсь останавливаться, пока не добьюсь своего. Не знаю, почему, но мое чернильное сердце не смогло возненавидеть отца... А он ведь даже не дал мне свою фамилию. Я просто хотел и хочу доказать ему, что он ошибался. Чтобы попросил прощения и сказал, что любит меня. Да, мне нужно его признание. И судьба мне предоставила шанс в виде женушки Зорина и маленького отпрыска. И я использую его, чего бы мне это не стоило.

Покинув дом отца, я еду к себе – прислуга уже готовит комнаты для завтрашних гостей. Точнее для моей будущей жены и племянника.

– Мариш, подойди ко мне, – киваю кудрявой девушке в белом фартуке. Эта вертихвостка заслужила доверие своей преданностью и любовью к деньгам.

– Да, Виктор Рамазанович, – лепечет она, склонив голову.

– Завтра придет Вера Сергеевна, моя будущая жена... Будь всегда рядом, мало ли. Ты свою работу знаешь. Если что выведешь интересное, сразу докладывай мне.

Закинув руку в карман пиджака, передаю ей конверт с вознаграждением, чтобы мотивация девушки взбудоражилась.

– Иди работай.

– Слушаюсь, – покорно склоняет голову девушка.

Глава 12

Срочный переезд съел мою последнюю нервную клетку.

– Нет–нет, поставьте эти коробки сюда, – команду грузчикам, которые отказываются меня понимать и делают по–своему. – И поаккуратнее, пожалуйста, там же посуда.

Вслед за моим предупреждением слышится глухой треск, когда мужчина грубо передвигает коробки. Закатываю глаза вместо тысячи бранных слов.

– Спасибо, дальше я сама, – опасаясь за сохранность остатков я.

Рассчитываюсь с ними, выпроваживаю и высушенная морально опускаюсь на пол в своей новой комнате. Дом у Виктора – большой и просторный, без излишеств и вычурности. Светлые стены, высокие потолки, лофт стиль – все как я люблю. Но это не отменяет того факта, что он – чужой.

Через открытое окно доносится звук подъезжающей машины, скорее всего это приехал Виктор. Так и есть, он заглядывает в комнату, когда я начинаю распаковывать коробки:

– Это что приданное? – усмехается он и качает недовольно головой. – Не к чему. Тут есть все необходимое. Достаточно было бы одежды.

– Место новое, незнакомое, поэтому я хотела прихватить с собой что–нибудь привычное для меня... Чтобы не так нервничать.

– Ты беспокойна?

– Разумеется. Я переживаю. Было бы странно, если б после всех событий, случившихся за последнюю неделю, я бы была спокойна как удав – я же не робот.

– Действительно, – хмыкает он. – Не робот...

А вот насчет него я не уверена – почему он всегда выглядит таким отстраненным и бесчувственным? Слишком закрытый, не знаешь, чего от него ожидать.

Виктор садится на корточки и открывает крышку одной из коробок.

– Сервиз? – озадаченно выгибает бровь.

– Да... Это моя любимая кружка, – беру красную и зажимаю в пальцах так, как обычно пью чай. – Она для отдыха. Есть еще для работы, когда нужно сосредоточиться. Черная. А еще есть для настроения... Когда грустно – фиолетовую, а когда весело вот эту розовую.

Да, у меня целая коллекция одинаковых кружек, но разных цветов. И они все мне нужны.

– Поразительно, – вскидывает брови Виктор. – Тогда может по кружке чая, раз уж разложились...?

– Можно, – я тянусь за красной кружкой. – Хочется отдохнуть.

– Странно, я думал, красный – это цвет любви.

– Все верно, когда твое сердце наполнено любовью, то это и есть самый настоящий отдых для души.

– Правда?

– Ты не согласен?

– Я без понятия. Если бы испытал подобное чувство, то я бы ответил, а так... Поверю на слово.

– Никогда не любил?

Он молчит задумчиво, словно вспоминает.

– Как минимум, своего племянника, – подсказываю я.

– Да. Точно.

Боже, черствый, как сухарь. Так и хочется размягчить. Уверена, под верхним колючим жестким слоем кроется хороший мягкий человек. У меня будет время узнать его поближе.

– Вера, кухня в той стороне... – слышу сзади голос Виктора.

– Ах точно, – разворачиваюсь я, негодуя. – Пока очень непривычно.

– Не переживай, привыкнешь, – пропускает меня вперед и повторяет. – Скоро ты ко всему привыкнешь.

Поздно вечером после суматошных разборок с вещами я уставшая плетусь в душевую. На плече махровое полотенце, оно такое же белое и пушистое как мой банный халат. Не спеша, шлепаю резиновыми тапками по коридору мимо открытого кабинета Виктора, и подумав, что у него еще есть силы работать, протяжно вздыхаю.

Приближаясь к ванной комнате, я распускаю пучок и встряхиваю головой, выпуская на волю водопад каштановых волос. Все, сейчас быстро приму душ и спать.

С этой мыслью, я закрываю двери ванной... и ахаю.

– Прошу прощения, не думала, что тут кто-то есть... Дверь была открыта, – сгораю от неловкости я перед Виктором, который только что вышел из душевой и накручивает на бедра полотенце.

Сон как рукой снимает. Я не знаю куда себя деть, хочу выйти, но мужчина успокаивает:

– Ничего, я уже всё, – шагает ко мне, а я прижимаюсь к стене, чтобы пропустить его. Но он останавливается. – Я думал ты спишь...

– Хотела перед сном ополоснуться.

Глаза прилипают к его голому загорелому торсу, на котором застыли капли воды. Частично забит татуировками. Виктор выглядит свежо, чисто, подтянуто и сексуально. От него пахнет цитрусовым гелем для душа, мой любимый грейпфрут... А полотенце совсем небрежно завязано, одно неверное движение, и оно спадет с бедер.

Вера, прекращай так открыто пялиться – приказываю себе и опускаю глаза вниз.

– Понял. Тогда доброй ночи, Вера, – мягко говорит он, стоя слишком близко, что смущаюсь. – Надеюсь, на новом месте будешь спокойно спать.

– Надеюсь. Говорят, на новом месте снятся вещие сны, – вспоминаю я, чтобы разрядить обстановку.

– Не верю в эту чепуху.

– Но все же...

– Действительно. Расскажешь потом, что приснилось? – его глаза повеселели и чуть пристально сузились. – Интересно же.

Я усмехаюсь и дергаю плечами.

– Если приличное будет.

Виктор смеется. Он смеется? Я удивляюсь приятному факту и тоже хихикаю, прикрывая рот ладонью.

– Даже не сомневаюсь, Вера, – кивает он и после разворачивается на выход.

Я провожаю его уходящую спину с улыбкой, которая даже не понятно с чего вырисовалась на лице. И прежней усталости уже нет. А еще я заметила, что приятно слышать, как слетает с его губ мое имя. У него выходит это мягко и красиво.

– Виктор, – вспоминаю кое-что и зову его, пока не ушел.

– Да? – разворачивается он и вопросительно смотрит на меня.

– Я хотела спросить... Мне показалось, или во всех комнатах, где ты находишься всегда распахнуты двери... Даже ванная вот, и кабинет целый день открыт.

– Допустим, не показалось.

Понимаю, что лишнее, но все-равно спрашиваю:

– А почему так? Это странно... Или для тебя нет?

– С шести лет не странно. Я чувствую себя спокойнее, когда дверь не заперта и тому есть причины.

– Какие?

Все это звучит крайне интригующе и я не могу сдержать любопытство.

- Зачем тебе это? – Виктор наступает на меня.
- Чтобы поближе узнать тебя.
- Насколько ближе? – мощным телом он купирует меня около раковины, нависая сверху.

Я теряюсь.

Между нами сантиметры, и мне катастрофически не хватает пространства и свободы.

- Как опекуна и члена семьи, – прочищаю горло я и отхожу в сторону из под его тени.

Виктор усмехается, а потом нахмутив брови, рассказывает сухо:

– Меня часто наказывали в детстве и запирали в чуланке. Чтоб я подумал в тишине и темноте над своим поведением. Однажды во время «отсидки» комната по соседству загорелась и огонь перешел на чуланку, я чуть было не задохнулся... У меня была паника, и я не мог выйти и докричаться до кого либо. Потерял сознание, но меня успели вытащить... Вот так, спасибо, что живой. И плюс одна фобия в копилку.

Картинки его ужасного детства мелькают перед глазами. Бедный ребенок, за что с ним так?

- Разве есть еще какие-то фобии? – с тревогой спрашиваю.

– Слишком много вопросов, Вера. На сегодня хватит. А то так точно не уснёшь, – он журит меня, качая головой. – Иди, мойся.

– Верно, – киваю и, проводив его сочувствующим взглядом, запираю двери. Потом прижимаюсь спиной к его двери и по норовому стуку сердца чувствую, что меня не отпускает. Его рассказ многое ставит на свои места.

Я была права, внешняя холодность и чѐрствость Виктора – лишь защитная оболочка, которая выросла из-за тяжелого детства и жестокого обращения с ним. Он уязвим, как обычный человек, у него свои слабости. Как бы это не звучало, но я рада этому. Он открылся мне, уверена, для него это было нелегко, а это значит, что... Мы сможем с ним найти общий язык.

Глава 13. Виктор

Она слишком доверчивая. Слишком чувствительная. Мягкосердечная. Это, конечно мне на руку, но... Я не привык обижать слабых.

Наблюдаю из окна кабинета на то, как Вера гуляет с коляской по саду на заднем дворе и залипаю на минут десять. Не понимаю, как она может возиться с чужим ребенком? Она любит его как своего, просто немыслимо. Каждую свободную минутку она рядом с ним, даже работу отодвинула на второй план, и все выезды сократила по максимуму. Разве можно вообще так любить другого человека, что жертвуешь личными интересами ради него? Костя мне будет породнее, но я не собираюсь к нему привязываться. Зачем? Он лишь крючок, за который я зацепился, чтобы получиться желаемое. Когда пропадет необходимость держаться за него я просто отпущу, и всё.

А Вера холит и лелеет мелкого... Я видел, как она целует его крохотные ножки, усьюсюкает, гладит и бережно прижимает к груди. Меня так не любили в детстве... Если бы на меня упала хотя бы капля её любви в детстве, я бы не был настолько жесток и циничен. Но на меня ничего не упало кроме воза говна и презрения. Я купался в ненависти, крепчал, закалялся ей, и выросло то, что выросло. Я сделаю то, что должен и никакие телячьи нежности и уж тем более голос совести, меня не остановят.

– Тук–тук, – раздается стук в дверь. Я реагирую поворотом головы и вижу на пороге кучерявую Маришку.

Она взглядом спрашивает разрешения войти, а в руках у неё черный конверт, который держит как сокровище.

– Проходи, – заинтересованно шурюсь я и иду к ней навстречу. – Что у тебя.

– Вот, это один мужчина велел передать Вере Сергеевне, но я подумала... – мямлит неуверенно, что раздражает.

Я повелительно протягиваю руку.

– Давай сюда. Ты молодец.

Заполучив конверт, отворачиваюсь к столу и ловко вскрываю его. Глаза бегают по многочисленным сточкам, вникая в суть информации. Я усмехаюсь на прочитанное.

А ты не так проста, Верочка, как кажешься... На нескольких листах нарыта вся моя подноготная. И здесь явно есть то, что ей не нужно знать. Я забираю два компрометирующих листа, а все остальное обратно складываю в конверт.

Подзываю Маришу и ласково так, проводя ладонью по её зардевшей щеке, говорю:

– Хорошая девочка. Аккуратно запечатаешь в новый конверт и передашь Вере Сергеевне, поняла?

– Как скажете, – пищит довольно.

– Все, ступай.

Она разворачивается, и я цепляюсь взглядом за её юбку, которое сегодня непристойно короткая. По венам пробегает желание.

– И да, Мариша... – рука машинально падает на ремень. – Зайдешь потом отчитаться.

Глава 14.

– Вкусненько тебе? Кушай–кушай, вырастешь большим и здоровым, – улыбаясь, держу бутылочку с теплым молоком, к которой присосался малыш. – Аппетит у нас отменный, да? Эх, ну что за славный пирожок... Ням–ням.

– Давайте, я покормлю. Вас уже машина ждет, – переживает няня, поглядывая в окно.

– Да–да, конечно, еще секундочку... – нехотя тяну я.

Надо бы уже ехать на работу, а я все с мелким вожусь. Целую Костю в пухлую щечку и уже хочу передать его няне, как чувствую разливающееся тепло в районе живота.

– Ай, что это... – смотрю на кофточку, а там – мокрое пятно. Перевожу взгляд на Костю – лежит счастливый и обсиканный, ножками дергает, видно неприятно. – Эх, дружок–дружок... Вот это дела ты наделал. Пометил, так пометил. Хулиган маленький.

Няня забирает малыша, а я иду переодеваться. В гардеробной звонит телефон, не глядя на экран догадываюсь, кто это. Конечно, Слава Безруков. Два часа назад он срочно просил приехать в офис и обсудить важный вопрос. В его голосе было слышно раздражение и недовольство, даже не знаю, что его так вывело. Работать я начала дистанционно, чтобы больше времени уделять ребенку. Для меня это было единственное верное решение, работа в моей жизни теперь не на первом месте.

Прижимаю телефон к уху, и быстро застегиваю пуговицы новой блузки.

– Да, Слав, я уже скоро...

– Вер, два часа прошло, где ты потерялась?

– Через двадцать минут буду.

Тяжелый вздох в динамике заставляет виновато прикусить губу.

– Что–то серьезное, Слав? Ты ничего толком не объяснил.

– Объяснять придется тебе, Вера. Все, жду.

Короткие гудки. Он бросил трубку.

– Черт...

У самой нервишки начинают шалить. Закидываю телефон в сумочку, надеваю туфли и без лишних промедлений выбегаю на улицу. Уже в машине прибираю волосы и навожу легкий макияж, чтобы скрыть темные круги под глазами. Они появились из–за недосыпа, Костя спит беспокойно, ночью просыпается, то покормить, то покачать надо.

Водитель доставляет меня до места работы за полчаса. Слава богу, без пробок.

– Привет, что случилось? – с лету спрашиваю я, когда открываю двери в кабинет мужа. Сейчас здесь обосновался Слава.

При виде меня он встает из–за стола и оттягивает вниз футболку поло, чтоб не было морщинок ткани на прекрасно сложенном теле. Что скрывать, Слава любит безупречность во внешности и в работе, а еще – все держать под контролем. Когда что–то происходит не по плану или без его ведома, он сам не свой... Вот как сейчас.

– Я сам хотел бы это понять, – держится спокойно Слава, но я вижу как вздуваются его ноздри и напряженны мышцы лица. – Что такое случилось, что половина всех акций компании теперь принадлежит некому Звереву. Пояснишь, Вер? Или может опровергнешь? Скажи, что это ложь, Вера, умоляю.

Его глаза выпрашивают ответ, но мне нечем его обрадовать:

– Все верно.

– Но зачем? – обреченно завывает мужчина, растирая лицо. – Что ты творишь, Вера? Ты даже со мной не посоветовалась.

– А разве должна была? – довольно цинично заявляю я, сложив руки на груди.

– Вот как. А раньше мы все обсуждали...

Его обиженный тон цепляет за мягкое место совести, я болезненно морщу лоб.

– Я приняла решение и поверь, на то были причины.

– Какие же? Дела идут в гору. Или у тебя проблемы, о которых я не знаю? Ты продаешь акции какому-то левому мужику с улицы.

– Это деловой человек, а не мужик с улицы. Прекращай истерику, Слава. Ничего дурного не произошло для компании, и это главное.

– Пока не произошло, – уточняет он. – Я твоего «делового человека» даже в глаза не видел. Кто вообще этот Зверев? Откуда ты его нашла?

Слава бесится и в голосе сквозит пренебрежением при упоминании новой фамилии. Его раздражение переходит на меня, но я сдерживаю всё деловым тоном.

– Это проверенный человек. Надежный. И успешность компании в его прямых интересах – это все, что я могу сказать.

Вся полученная информация на Зверева была изучена мной накануне сделки. Он чист как стеклышко. Зря я сомневалась.

– Это все что ты можешь сказать? Серьезно?

– Да.

– А то, что ты по факту не продала, а подарила акции, Вера! Не надо делать из меня дурака, ладно? Какого лешего происходит, я не понимаю. Ты постоянно что-то не договариваешь, на работе почти не появляешься, абсолютно отстраненная, рассеянная, непунктуальная!

Наш разговор выходит за всякие официальные рамки, Слава хлестанёт словами, не церемонясь, и кажется уже весь офис слышит нашу ругань. А мне обидно и больно, ведь он не знает ничего и смеет осуждать, но и сказать правду я не могу пока.

– Хватит меня отчитывать. Не забывайся, Слава!

– Нет, не хватит, Вера. Не хватит! Пока ты не объяснишь мне, кто этот Зверев и почему ты подарила ему акции, – обхватывает плечи и взглядом требует правды.

– Дело в том, что... – мои глаза бегают, а воздух выбивает из легких. Нет, не могу.

– Я её муж, – раздается за спиной твердый мужской голос. Вздрагиваю на хлопок двери, и обернувшись, вижу Зверева. О нет, что он тут делает? – Еще какие-то вопросы будут?

Глава 15

– Тупая шутка, – мрачнеет Слава, столкнувшись со Зверевым лицом к лицу. – Вас стучать не учили? Подождите за дверью.

– Слав... – я мотаю головой, предчувствуя катастрофу. Безруков же вообще не в теме.

– Я что похож на клоуна, чтобы разбрасываться шутками? – надменно приподнимает бровь Виктор и, вызываясь задев плечом Славу, подходит ко мне и обнимает одной рукой за талию. – Кто с тобой работает, дорогая? Они точно все проходят медосмотр?

Его сарказм вызывает спазм лицевых мышц. И не только у меня. Славу охватывает немое оцепенение, он смотрит на нашу пару и движение его головы отрицает услышанное. Он не верит – не могла я найти себе нового мужа через месяц после смерти Бори. Безруков смотрит мне в глаза, а мой взгляд в ответ стыдливо опускается вниз.

Убийственную тишину нарушает низкий голос Виктора:

– Зверев Виктор Рамазанович, – протягивает руку, но Слава с пренебрежением игнорирует его жест.

Безруков засовывает руки в карманы и с красными от злости глазами осуждающе стреляет ими в меня.

– Не скажу, что знакомство приятное, – цедит он. – Вера, можно тебя на минутку?

Вздувшиеся ноздри и напряженные кулаки моего друга сигналият о том, что лучше сделать то, о чем он просит, пока тут к чертям всех не разнесло. Виктор понимает необходимость удалиться без лишних слов и намеков.

– Ладно, Верунь, вы поболтайте пока, а я пройду по офису, с коллективом познакомлюсь. Что у вас тут да как, – с бодрым настроением и широченной улыбкой голосит Виктор, чем еще больше раздражает Славу, и вальяжно выходит в коридор.

Я провожаю спину Зверева недоуменным взглядом, пребывая в шоке от его своевольной выходки, последствий, а главное от того, как теперь мне объясниться перед Славой. Какие правильные слова подобрать, их же просто нет, еще и язык онемевает, молчу под его сверлящим взглядом.

– Значит нашла себе нового мужа, да? – с издёвкой фыркает Слава. Чтобы занять шалашные руки он хватается за графин и небрежно льет воду стакан.

– Как видишь, – выдавливаю из себя.

– М, мило, – он кривляется. Опрокидывает в себя стакан, словно в нем не вода, а водка. Морщится от презрения ко мне. – Говорила, что любила Бориса, плакалась на похоронах...

– Бориса больше нет.

– И женского достоинства тоже нет, да, Вера?

– Прекрати.

– Быстро нашла хахалю и в компанию его привела на место Бориса.

– Зорин мне изменял. И то, что писали журналисты, то не слухи.

– А я уже не знаю, кому верить, Верочка. Вот у меня правда – перед глазами. Ты и этот Зверев.

– Моя личная жизнь – моё дело. Тебя она не касается. И уж тем более не смей осуждать, Слава. Не надо на меня так смотреть. Жизнь продолжается.

– Как же я ошибался... – он тянет безнадежно.

Я прикрываю глаза и слышу, как он добавляет:

– ... В тебе.

– Мы ошибаемся каждый день. Увы. – сухо заключаю.

Стиснув зубы, я прохожу мимо Безрукова, не в силах продолжать разговор.

Выхожу в рабочую зону и оглядываюсь, цепляя ищущим взглядом серую рубашку, в которой заявился, как снег на голову, Виктор. У меня к нему миллион вопросов и мешок возмущения. Какого он пришел в офис без предупреждения, огласил нашу с ним тайну про брак и вообще откуда такое дерзкое поведение.

Я нахожу Виктора, распивающего кофе с разговорчивой секретаршей Олечкой. Прерываю их смех своим мрачным присутствием.

– Зыкина за работу. Виктор, пойдем прогуляемся, – строго смотрю и указываю на дверь.
– Кофе можешь взять с собой.

– С вашего разрешения, Вер Сергеевна, – он звучно отпивает кофе... или может эликсир бессмертия, что ведет себя так фривольно и успевает язвить.

Сохраняя самообладание, я вывожу Зверева на улицу на летнюю террасу, где установлена пара столиков. Оставшись наедине от лишних глаз и ушей, я шикаю:

– Ты что здесь делаешь?
– Осматриваюсь пока, хочу вникнуть в дела компании и постепенно вклинить в процесс,
– по деловому объясняет Зверев.

– Подожди. Ты планируешь работать в Архоне?

– Ну да. Ты против?

Я выпускаю воздух вместо тысячи слов и закрываю ладонями лицо. Краем уха слышу усмешку и стук кружки о блюде.

– Уверен, я мог бы принести пользу компании.

– Ты смыслишь хоть что-то в архитектуре? – ладони экспрессивно разрезают воздух. – Подсказка, это про «создавать, творить, организовывать».

– Ты жёстко меня не до оцениваешь, дорогая...

– Не стоит меня так называть.

– Я закончил архитектурный.

– Что?

– Аттестат показать?

– Да. И две копии приложи, – злюсь я.

Он смеется, а я тру лоб и не припоминаю информации об его образовании в докладном конверте. Не внимательно читала или просто не пропустила?

– Неужели думаешь, что буду мешать?

– Я не знаю, что от тебя ожидать. Зачем сказал Славе, что ты мой муж, мы же договаривались!

– Мы договаривались оттягивать огласку до возможных пор, и судя по напору твоего коллеги или любовника, я не знаю... Время пришло. Тебе пришлось бы все объяснить.

– Слава – не любовник, он коллега и друг Бориса! – краснею от вопиюще наглom предположении.

– Пусть так. Мне все-равно. Главное, чтобы не лез в личную жизнь. Иначе по принципам любящего и ревнивого мужа я набью ему морду.

– Что, прости? Давай без драк, только этого не хватало.

– Поговори со своим другом. Пусть ведет себя сдержаннее и не треплет языком. Если он хочет и дальше работает в Архоне, то придется ему смириться с моим существованием, – лыбится Виктор и расслабленно облакачивается на плетенное кресло.

– Угу, – сдавленно мычу я. Кажется, не только Славе придется с этим смириться.

Глава 16

Клянусь, на днях я напишу письмо в Марвел с настойчивой просьбой нарисовать нового супергероя – работающую мать–декретницу. К слову, к этому выводу я пришла, когда осталась дома одна с Костей без няни и домработницы. Вика отпросилась у меня, Мариша – видимо, у Виктора, и обе в один день.

Сколько же суперспособностей приобретают женщины с рождением ребенка! Вместо двух рук появляются еще невидимые четыре, по–другому все успевать просто нереально. Ловкость, реакция, скорость улучшают в разы свои показатели. Памперс надеть, мой рекорд – 3 секунды. На ползунках нарабатываю еще технику. Спать одним глазом пробовали? Могу научить. Обостряются все органы чувств, особенно обоняние – почувствовать, что малыш наделал дела способна за пару километров. А понимать нечеловеческий язык или «новорожденный» и научиться на нем говорить за пару дней, как будто всю жизнь на нем болтал? Еще у мамочек появляется функция сканирования плача: малыш описался, обкакался, хочет есть, колики или просто крик души? Надо вовремя сориентироваться и счет на секунды. А менять личину? Ха, умеем–практикуем. Из бизнес леди в клоуна с погремушкой? Легко! А потом в повара, а потом в прачку, а после в клининг службу. И это все один человек, точнее супергерой, у которого заслуг перед человечеством не меньше чем у Бэтмена. Надо будет мир спасти, мамочка спасет, не сомневайтесь.

Но не надо забывать, что они все–таки живые существа и иногда им требуется отдых, чтобы подзарядиться, и своевременная помощь.

– Сейчас–сейчас, Костя, я домешаю смесь, она подстынет и будем кушать, – подкачиваю на одной руке ревающего карапуза.

После моей фразы мальчик пуще начинает реветь и никакие улюлюканья не помогают. Мы с ним пришли с прогулки, теперь он хочет есть, спать, возмущаться одновременно.

– Подожди–ка, – я принохиваюсь и понимаю, что у меня комбо – Костя еще и покакал к случаю. – Так, спокойно...

Успокаиваю больше себя. Здесь главное не поддаться эмоциям, все под контролем. Быстрее мешаю смесь, что крайне неудобно делать одной рукой, когда под ухо еще кричат и ерзают.

– Кого здесь режут? – доносится голос Виктора из прихожей.

Боже, как же я рада его слышать. Вот кто поможет мне. Только мужчина заходит на кухню, как я сплавляю ребенка ему с облегченным выдохом:

– Ох, поддержи, рука затекла, – трясую кистью, игнорируя озадаченное выражение лица Виктора. – Помой пожалуйста его, он обкакался.

– Что?

– Помой под раковиной. Полотенце в ванной есть... детское с утенком, увидишь.

– Я думаю, ты лучше справишься.

– Я пока занята, Виктор, – строго смотрю на мужчину. – Уверена, у тебя получится. Ничего сложного нет.

– Ну да... – он смотрит на живой кричащий объект с видимой брезгливостью. – А чего он так орет то?

– Он хочет, чтобы ему помыли попу, – теряю терпение я и сильнее чем нужно закручиваю бутылочку. – Посмотрела бы я на тебя, как бы ты орал, когда обделался в штаны.

– Ладно – ладно... – он быстро идет в ванную. – Мужики, не плачут, Костян, ты чего? Подбери сопли. Сейчас всё будет.

Из меня вырывается смешок. Честно говоря, я бы и сама могла помыть, ведь смесь уже готова, но... Хочу посмотреть, как с этим справиться Виктор. Он проводит с малышом крайне мало времени и никогда еще не мыл его. Пора бы пройти посвящение.

– Ай, зараза, – доносится ворчание Виктора. – Я заляпался в детском говне. Класс, просто класс... Вера!

Я прикрываю рот ладонью. Делаю вид, что не слышу.

– Такой маленький, а насрал... Господи, как тебя взять то...

Нет, я не бессердечная. Я просто уверена, что у Виктора все получится.

– Почему не отмывается? Ты что масло ел? Да блин... Не выскальзывай, ладно.

Я заглядываю внутрь, чтобы убедиться что все идет нормально. Виктор моет, Костя послушно лежит на его руке и молча переносит водные процедуры. Но я знаю, что скоро ему надоест и он начнет ерзать.

– Поверни его кверху попой и капни детского мыла, – киваю я на нужную баночку.

– Так?

– Да-да, молодец.

– Все, споласкивай, – команду я и расправляю махровое полотенце.

Принимаю чистенького малыша и прижимаю к груди мягкий кулечек.

– Поменяй футболку, запачкался, – улыбаюсь, когда замечаю желтое пятно на белой ткани. – И не забудь выкинуть использованный памперс.

– Черт, – фыркает Виктор, снимает с себя футболку и уверенным броском с трех метров попадает в корзину. Отвернув голову и сморщив нос, он сворачивает памперс.

– Там есть липкая лента, посмотри... Чтобы зацепить.

– Увидел.

Только мужчина избавляется от памперса, как я вручаю ему малыша.

– Теперь пошли кормить. Это более приятное действие, не переживай.

– Уверена?

– Определенно, – подталкиваю его к выходу.

Иду вслед за его голым торсом и по пути разглядываю татуировки на прокаченных мышцах. Крохотный беззащитный малыш и сильная гора мужского тела резонируют внешне с одной стороны, но с другой... Выглядит это сногшибательно. Мужчине это добавляет пущей брутальности, и даже сексуальности. Из под штанов виднеется резинка трусов и я даже не знаю, почему я смотрю на них и вообще откровенно пялюсь на Зверева, пока тот не видит.

– Кхм, поднеси ко рту, он сам ухватится, – передаю Виктору бутылочку и наблюдаю со стороны, как тот успешно справляется.

– У, какой голодный, – смеется он, когда малыш начинает усердно работать щеками. – Не спеши, маленький...

– Ага.

Я опускаюсь на кресло и устало улыбаюсь. На миг прикрываю глаза от накрывшей тишины. Монотонные звуки сосания убаюкивающе действуют на меня.

– Вер, он уснул, – шепчет Виктор, и я открываю глаза.

– Переложу в кроватку, – тихо сиплю я и растираю лицо. – Аккуратно только, чтоб не проснулся.

В этот раз Зверев сработал лучше сапера.

– Какой зайка, правда? – умиляюсь я на сопящего Костю.

– Ага. Когда спит.

Я легонько толкаю мужчину плечом и говорю:

– Ты молодец. Из тебя выйдет хороший папа.

– Кто знает.

– Точно говорю, – зеваю я. – Мне надо выпить кофе и еще поработать успеть, пока он спит.

Мы выходим из детской и продолжаем по привычке говорить вполголоса.

– Блин, уже остыл, – с жалостью выливаю напиток в раковину, который вроде бы недавно себе заваривала. Ставлю по новой чайник.

– Есть что покушать? – Зверев изучает холодильник.

– Только вчерашнее. Я готовила себе омлет на скорую руку, будешь?

Повариха из меня так себе, да и времени не было.

Виктор поджигает челюсть и захлопывает холодильник.

– Сам что–нибудь заварганю, – бурчит он под нос.

– Ладно, – отчего–то виновато опускаю глаза. – Выключишь чайник, когда закипит.

Он кивает, а я иду в детскую, где у меня установлен рабочий стол с ноутбуком. Чтобы не прозевать, когда малыш проснется, работаю сегодня здесь. Устраиваюсь в кресле и беру ноутбук на колени. Пока жду загрузки windows, прикрываю глаза... И не замечаю, как засыпаю.

Просыпаюсь от довольного голоса Кости, но не из кровати, а из другой комнаты. Оказывается, он проснулся раньше меня и уже вовсю играет с Виктором. Протираю глаза, оглядываюсь: ноутбук покоится на столе, сама прикрыта пледом, а рядом на тумбочке остывший кофе...

Глава 17

– Доброе утро, Вера Сергеевна, – приветливо улыбается мне Мариша, когда спускаюсь на кухню.

– Я бы так не сказала... – торможу посреди комнаты.

Как всегда, в начале дня я пролистываю местные новости в телефоне и натываюсь на желтушную статью про меня и Виктора. На весь экран крупными буквами заголовок «Зорина вновь вышла замуж, спустя месяц после смерти мужа».

– Бог ты мой... – пробегаюсь по каверзным строчкам, у них что не слово, то провокация. Журналисты многое додумали для полноты грязной картины и для высоких рейтингов, конечно. – Ах, Безруков, неужели ты донес?

Кусаю губу и быстро клацаю пальцами, ища номер Славы.

– Сейчас же ответь... – приказываю монотонным гудкам пропасть и услышать столь желанный мужской голос.

Слава не отвечает.

В раздражении завершаю вызов и бросаю телефон на стол.

– Ваш завтрак, – Мариша ставит передо мной тарелку с яичницей.

– Спасибо, но у меня аппетит пропал.

У самой живот крутит от нервов. Итак, похудела на пять килограммов за последний месяц, кожа–да кости. Беру только кружку с кофе и направляюсь на веранду вдохнуть чистого воздуха и умиротворится. Природа и уединение всегда помогали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.